

ЕЩЕ три года назад у нас в стране о Тото Кутуньо практически ничего не знали. Когда появились первые записи песни «Итальянец», многие путали исполнителя с Челентано. Теперь же ему, пожалуй, нет равных по популярности среди нашей публики. Редкий интерес к гастроллям каждый день приносит в редакцию письма с благодарными словами, с вопросами к любимому музыканту. Иногда кажется, что о нем известно решительно все.

Внимательный читатель, еще не видя Кутуньо, уже мог бы составить его «словесный порт-

рет», описать гардероб. Еще не побывав на концерте, называл бы, какие песни Кутуньо поет, на каких инструментах играет. Устрой кто-нибудь викторину «Что вы знаете о Тото Кутуньо?», нашлось бы много претендентов на призовые места. Не раз приходилось слышать, как его многочисленные поклонники жонглировали своей осведомленностью:

— Когда родился?
— 7 июля 1944 года.
— Как стал музыкантом?
— Под влиянием отца, который был военным моряком и увлекался игрой на трубе.

— Его успехи в Сан-Ремо?
— В 1980-м — первое место с песней «Только мы», в 1983-м сразу несколько наград за «Итальянца», год спустя — второе место за «Серенаду».

— Идти на интервью и вновь задавать подобные вопросы? Побывав на концерте «Тото и его песни», мы неожиданно для себя столкнулись с таким музыкальным событием, поз-накомилсь с таким серьезным, первоклассным музыкантом, что было уж и вовсе неловко говорить о его увлечениях теннисом или водными лыжами, уточнять имя супруги — при чем тут все это, человек живет музыкой.

Кутуньо с удовольствием согласился «просто поговорить».

— Часто цитируют ваши слова о том, что вы в первую очередь композитор. А исполнитель в некотором роде случайно...

— Ну, да, это действительно так...

— Но ведь начинали вы как раз как певец, как исполнитель. Правда, сами вы почему-то почти не рассказываете об этом, даже в автобиографичной песне «Моя музыка» на этот счет ни слова. Неприятно вспоминать об этом периоде?

— Вы знаете, что к двадцати годам я закончил лицей, получил диплом бухгалтера? Тогда я и организовал группу, которую мы назвали «Тото и Татти», и это давало мне возможность работать, зарабатывать. Только, чтобы прокормиться, потому что нам много не платили. Объездили всю Италию, и я, ни дня не проработав бухгалтером, стал музыкантом и певцом танцплощадок, ночных баров, дискотек. Группа не имела успеха. Наверное, потому, что тогда я был слишком молод, слишком большой чудак и думал о чем угодно, только не о моей профессии. Когда я сделал мою первую стоящую вещь — «Ин-

дейское лето», решил для себя, что те песни моей юности никто не должен знать. Я их писал исключительно ради удовольствия сочинять музыку...

— Сколько же лет прошло, пока вы снова решились петь. Многие, объясняя это, говорят о вашей застенчивости, будто бы она мешала выйти на сцену. Но ведь у вас очень выгодные внешние данные, красивый голос, музыкальность...

— Я действительно очень, очень застенчивый человек. Когда выбирал для себя возможность петь, тысячу раз себя спрашивал: «Тото, ты собираешься быть певцом, но это же значит — все время быть

на людях. У тебя не тот характер. Ты же человек серьезный, замкнутый. Тебе все это будет трудно. Одно — делать что-то за сценой, другое — выйти на сцену. Если ты певец — ты несешь на сцену свое лицо, темперамент, сердце. (Он прикладывает руку к сердцу). Каждый раз оно так бьется... Сегодня вечером будет то же самое. Я пою свою первую песню, смотрю в зал. Публика меня любит. Потом — «пиано, пиано, пиано» — сердце отпускает. И так каждый раз.

Один концерт Тото Кутуньо не похож на другой. Человек настроения, очень искренний и поэтому всегда разный. Как он сам себя «слышит», так и будет петь. Выберет те мелодии, которые сегодня ему важны, будет импровизировать в разговорах с музыкантами и в общении с залом. Да, его песни мы хорошо знали, но ведь был же страх, что знали их в исполнении Дассена, Челентано... Оказалось неважным — лучше или хуже он поет, ни с чем несравнима сила обаяния авторского исполнения! Знакомые песни звучали не только как воспоминания. «Индийское лето» просто ошеломило благодарным и благородным отношением к Джо Дассену, человеку, которого уже нет среди нас...

— Тото, ведь благодаря Джо Дассену, тому, что он исполнил «Индийское лето», вас наконец заметили. Как вы, тогда только начинающий композитор, чувствовали себя в компании таких знаменитостей? Паллавичини — автор итальянского текста — известный поэт. Пьер Деланое — он ровесник кабаре Фоли Бержер, где пела Эдит Пиаф, он еще и для нее писал тексты. В знаменитой на весь мир «Натали» Жильбера Беко — его слова. Эдакий сеговласный мэтр, который говаривал, что «писать для певца — все равно что одевать горбуна»... Кто же был лидером в создании этой песни? И вообще, как это все происходило?

— Мы очень подружились с Джо. Ему как-то сразу понравилось, что у меня не просто песня, а будто маленький рассказ. Ту, первую историю, мы с ним долго обговаривали. Когда нашупали идею, сняли небольшую студию, и все завертелось. Мне повезло — они целиком вовлекли меня в эту круговорот, я делал все аранжировки, Паллавичини — то, что касается сюжета, а Пьер Деланое — он мгновенно уловил суть нашей идеи — переложил это на французский...

— Все основные сюжетные идеи песен для Дассена разрабатывали мы с Паллавичини...

— Неужели и «Люксембургский сад» тоже? А эти поэтические слова в начале песни, которые произносил Дассен, — о

парижских ребятишках, студентах, их не мог написать итальянец Паллавичини... Чисто французские ассоциации...

— Даже эти образы бегающих по саду ребят сначала возникли у нас с Паллавичини. Не можем мы писать французские песни! Мы же итальянцы! Вначале была чисто итальянская история. У нас нет «Люксембургского сада» — ну, так есть «Джардино пубблико». Мы писали про это. Пьер Деланое делал только перевод, не более...

Мне вообще труднее писать для иностранных певцов. Для Мирей Матье «Чао, бамбино» — очень тяжело... Нужно вой-

Батисти, Джильола Чинкветти, Клаудио Вальоне...

Кутуньо задумывается. Резкая складка рассеивает лоб, на секунду вновь оживают неожиданные ассоциации, что возникли в первые мгновения нашей встречи. В свободных черных одеждах, орлиный профиль, цепкий взгляд глубоко посаженных глаз — в нем что-то не от оперного, нет, а от воспетого романтиками Мефистофеля. Правда, первые же обращенные к нему сердечные слова рассеивают нечаянное впечатление. Присходящие буквально на глазах смены настроения и ощущений выдают натуру тонкую и чуткую, как камертон. И острее понимаешь, что когда этот «Мефисто» поет «Мне нужна твоя душа», он действительно ждет от ближне-

на каждом концерте, и ведь нравится, значит, я не сошел с ума...». Когда показываю новую программу в Италии, приходят специалисты и смотрят. Спел — абсолютная тишина... Даже в далеком Ленинграде, где люди и слов могут не понимать, они слушают сердцем. А мои песни можно воспринимать только так — сердцем или никак.

Критикам не нравится моя работа или я сам? Когда мое творчество критикуют из-за того, что я не устраиваю кого-то как человек, прихожу в бешенство. Да, я такой, я человек старомодный!

все сошло, но вдруг тебя попросят раскрыть карты — ты потеряешь все...

— И все-таки вы дали возможность 14-летнему Луису Мигелю, которого вы открыли для себя и написали для него песню, вкусить от Сан-Ремо, да и сами вновь собираетесь на этот фестиваль...

— Да, потому что все это очень важно, хотя надо быть все время начеку... Луис? Я привез его из Мексики. Он прилетел и тут же стал знаменитостью. Потом была суббота, парню хотелось отдохнуть, выйти на свежий воздух, а он не мог шагу ступить из гостиницы — дамы, поклонницы: «Ах, Луис! Ах, Мигель!» Вот и спасибо тебе, Сан-Ремо!

— Итальянские артисты приезжают к нам все чаще, и находят здесь такой масштаб признания, такой интерес и своему высокому профессиональному уровню. А вам не хотелось бы посмотреть кого-то из музыкантов, сочинить для него песню, пригласить на Сан-Ремо?

— Может быть, я напишу что-нибудь для Пугачевой. Мне о ней говорил еще Дассен: «Тото, в Москве есть фантастическая певица. Присмотрись к ней...». И вот мы встретились...

— Пугачева достаточно знаменита. Встречи с ней даже стали своеобразным ритуалом...

— Я бы с радостью написал песню для кого-то из ваших молодых ребят. Если человек талантлив, если эмоционально меня это заденет, — тогда, конечно... Но я ведь, кроме Пугачевой, ничего у вас не слышал, вот в чем дело.

...Вспомнилось: еще до первого концерта Кутуньо приезжает на репетицию. Даже не сбросив пальто, садится к роялю и лихорадочно пишет ноты. Новая песня? В стиле «новой волны» или в блюзе, свинге, а может быть, это будет серенада или даже симфония? Будет ли она написана для Челентано или для молодого русского парня?

Его ровесники — музыканты, даже самые яркие, известные, теперь все же «звезды» угасают. Их «звездный час» остался там, в молодости. У Кутуньо тоже позади столько! Одно из самых сильных впечатлений концерта — сколько же песен, которые нам прекрасно известны, любимы по записям Дассена, Мирей Матье, Челентано, оказываются созданы им, Тото Кутуньо!

Столько позади, но нет в нем пресыщенности, равнодушной усталости. Сделан огромный рывок вперед — он вышел на сцену, он вырос как музыкант, как исполнитель. И веришь, что у него впереди — столько, что, как бы он ни был известен, он все-таки остается непредсказуем. Ведь удалось же ему за годы не растерять чуткого и ненасытного интереса к полифонии жизни...

Вот его слова:

Imena
" Ai giovani Sovietici
auguro una
vita piena
piena di allegria
e felicità
W LA VITA
L'ITALIANO
Totò Cutugno

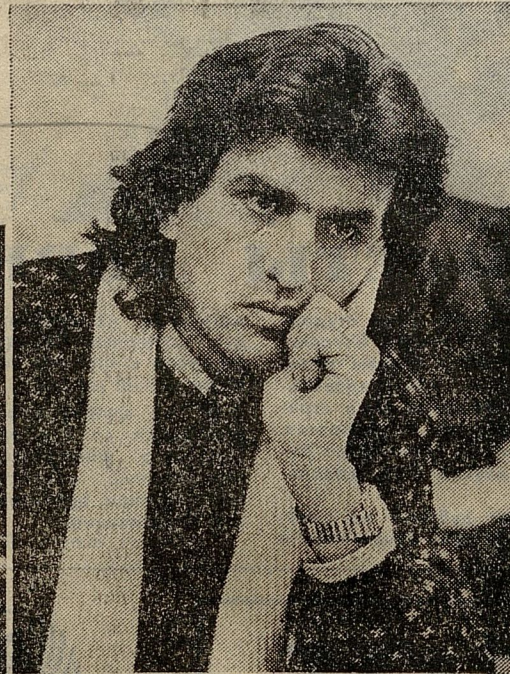
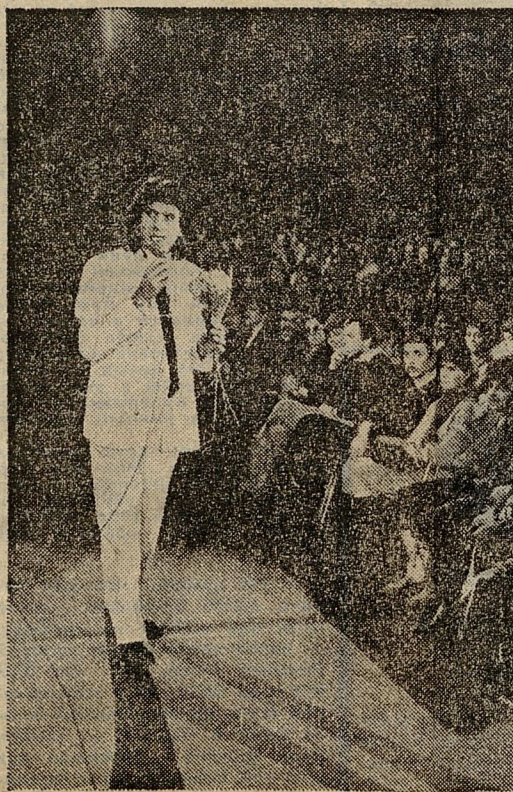
«Читателям «Смены» я желаю в жизни внутреннего покоя, радости и счастья. Да здравствует жизнь! Т. Кутуньо».

И. ЛЕБЕДЕВА,
М. САДЧИКОВ
Фото И. Потемкина

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ВЕЧЕРА

С ТОТО КУТУНЬО

ти в характер исполнителя. Что это за человек? Что его интересует? А писать для своих — удовольствие. Для меня это очень легко. Для Модуньо, для Чинкветти, для «Рикки и повери» — это все мои друзья... Ну а для Челентано — это все равно, что для себя самого, у нас одинаковые реакции, даже голоса похожи...

— Но ведь композитор — это и стиль? Нам всегда казалось, что Дассен вам ближе, потому что и вы и он — скорее романтики, а Челентано — реалист, более трезвый...

— Все песни, которые я отдал Челентано, их больше пятнадцать, все — романтические: «Немного артист — немного нет», «Соли» («Одни»), и «Время уходит» для дочери Адриано. Мы с ним друзья, мне с ним легко, с ним я работаю с закрытыми глазами...

— Вы часто повторяете, называя своих любимых исполнителей, имена Модуньо, «Битлз», Ред Чарльз, Джеймса Ласта, но, согласитесь, все это — ретро. Не значит ли это, что в современной итальянской эстраде вы не видите достойных имен?

— Ну что вы. Просто Доменико Модуньо — абсолютная величина. Мне нравятся и более молодые — Минна, Лучио

го правдивого чувства и искреннего поступка. Угадывается и застенчивая нежность и дружелюбие и твердость к тому, что не приемлет.

Паразитально, как этот интеллигентный человек умеет «держаться дистанцию» с теми, кто живет по иным этическим законам, чем он сам. В итальянской прессе похвалы в адрес Кутуньо практически не найдешь. Журналисты объявили ему настоящую «бендетту». Этому есть свои объяснения: когда он стал «звездой», к нему со всех ног кинулись газетчики, требуя сенсационных фактов, подробностей личной жизни. Он же обдал их холодом.

— Я воюю с ними каждый день, — сказал Тото. — Почему я должен все время повторять, что я прежде всего человек, и только потом артист? Действительно, человек во мне сильнее. И то, что я такой, критиков раздражает. В результате: я написал песню, они: «А, это же Тото сделал — значит, какой-нибудь бред...» Я пытаюсь объяснить: «Эта часть моего сердца!» — «Да ты чокнутый!» Выходит, что каждого журналиста нужно хватать за руку: «Синьор, поехали со мной в Англию, во Францию, — вы увидите, там пятнадцать тысяч на меня смотрят

У меня нормальная семья. Я не принимаю наркотиков, не устраиваю скандалов, не хожу на званые вечера и не фотографируюсь со знаменитостями, не мчу шикарных женщин в роскошных лимузинах...

— Но так или иначе и вы же оказались включенными в эти «игры» шоу-бизнеса. Взять конкурс в Сан-Ремо. Всегда ли он объективен? Вспомним, в 83-м ваша песня «Итальянец» не получила первого места по мнению жюри из специалистов, хотя публика единодушно признавала за ней лидерство...

— Сан-Ремо... Это долгий разговор... Сан-Ремо — это аукцион, где за три минуты совершенно неизвестный певец может подскочить в цене, стать звездой, знаменитостью. Но за это ему, возможно, придется расплачиваться, и как дорого. Не деньгами... Сан-Ремо — как клинок с двумя лезвиями. Одно — лезвие успеха, другое — очень опасное. Тебя повсюду приглашают, ты едешь по всей Италии, тебя везде ждут, но у тебя — одна песня и надолго ли ее хватит. Если через четыре-пять месяцев не повторить успех, не выпустишь новый хит, ты унижен... Это как блеф. Можно удачно блефовать, тогда